

Чичерин Борис Николаевич

Мистицизм в науке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
Б82

Б82 **Борис Николаевич Ч.**
Мистицизм в науке / Чичерин Борис Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
195 с.

ISBN 978-5-521-30405-9

ISBN 978-5-521-30405-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МИСТИЦИЗМЪ ВЪ НАУКѢ.

ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА: КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ НАЧАЛЪ.

Предлагаемое читателю разсужденіе не имѣетъ цѣлью всестороннее изслѣдованіе вопроса о мистицизмѣ въ наукѣ. Оно представляетъ не болѣе какъ разборъ недавно появившагося сочиненія г. Соловьева, котораго заглавіе означено выше.

Читатель, можетъ быть, спросить: зачѣмъ нуженъ такой длинный и подробный разборъ? Развѣ книга г. Соловьева составляетъ небывалое явленіе, пролагающее знанію новые пути? Или она представляетъ научную обработку болѣе или менѣе распространенныхъ въ обществѣ мыслей, которыя именно вслѣдствіе своей популярности требуютъ опроверженія?

Ни то, ни другое. Мнѣнія г. Соловьева принадлежатъ исключительно ему и едва ли когда нибудь обрѣтутъ многочисленныхъ приверженцевъ. Они составляютъ плодъ самостоятельной мысли, но мы не думаемъ, чтобы они пролагали знанію новые пути, а убѣждены, напротивъ, что ими указывается такой путь, по которому не надобно слѣдовать.

Тѣмъ не менѣе эта книга не должна пройти незамѣченной. Прежде всего, она свидѣтельствуетъ о пробужденіи въ русскомъ обществѣ философской мысли, и въ этомъ отношеніи уже составляетъ отрадное явленіе въ русской литературѣ. Она свидѣтельствуетъ и о философскихъ способностяхъ автора. Вмѣсто ограниченнаго невѣжества позитивистовъ, вмѣсто того хаоса, который столь часто господствуетъ въ умахъ людей, не прошедшихъ чрезъ философскую школу, мы находимъ здѣсь широкое пониманіе высшихъ задачъ человѣческаго ума, умѣніе обращаться съ отвлеченными вопросами, наконецъ обдуманное, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ еще созрѣвшее воззрѣніе на міръ и на жизнь. Г. Соловьевъ очевидно принадлежитъ къ разряду недюжинныхъ умовъ. Говоря съ нимъ, приходится не обличать, а разсуждать. Въ особенности при бѣдности русской философской литературы, при совершенномъ почти отсутствіи у насъ дѣльной критики, нельзя не воспользоваться этою книгою, для того чтобы совокупными силами постараться выяснить затронутые въ ней вопросы, имѣющіе существенную важность, какъ въ теоріи, такъ и для практики.

Есть и другая сторона дѣла, которой не слѣдуетъ упускать изъ виду. Выводы г. Соловьева своею парадоксальностью могутъ напугать многихъ и обратиться въ оружіе противъ самой философіи, какъ науки. Извѣстно пренебреженіе, въ которомъ находится нынѣ философія. Многіе не хотятъ даже признать за нею значенія науки, предоставляя это названіе исключительно опытному знанію. Чтобы побѣдить этотъ предрассудокъ, необходимо указать, съ одной стороны, на чисто научные приемы философской мысли, съ другой стороны* на то, что ея выводы подтверждаются фактическими данными, которыя отъ нея только получаютъ настоящее свое объясненіе. Если же философъ даетъ намъ выводы, которые не оправдываются логикою и идутъ наперекоръ фактамъ, то онъ подрываетъ собственное дѣло. Вмѣсто того чтобы привлекать, онъ отталкиваетъ. Онъ даетъ оружіе

противъ самого себя. Задача критики, въ этомъ случаѣ, заключается въ томъ, чтобы указать на эти недостатки и отдѣлить чисто личныя мнѣнія автора отъ того, что можетъ быть допущено строгою наукою. Философія не должна страдать за неосмотрительность своихъ поклонниковъ. При такой только научной оцѣнкѣ, пробужденіе въ обществѣ философской мысли можетъ повести къ плодотворнымъ результатамъ.

Нужно ли прибавлять, что у насъ, при слабости нашего научнаго развитія, такая критическая оцѣнка вдвойнѣ необходима? Чѣмъ нѣжнѣе растеніе, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ его предохранять отъ всего, что можетъ дать ему неправильный ростъ. Поэтому мы заранѣе просимъ извиненія у г. Соловьева, если нѣкоторыя наши сужденія покажутся ему слишкомъ рѣзкими. Смѣемъ увѣрить его, что мы ничего не имѣемъ въ виду, кромѣ чистаго интереса науки, и ничего бы такъ не желали, какъ придти къ соглашенію на счетъ коренныхъ требованій философскаго мышленія.

I.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ.

Нельзя не сочувствовать той цѣли, которую полагаетъ себѣ г. Соловьевъ въ своемъ изслѣдованіи. Она достойна философа и обнимаетъ высшіе вопросы, какіе могутъ представляться человѣческому уму. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы путемъ критики одностороннихъ началъ содѣйствовать достиженію того великаго синтеза, къ которому идетъ человечество, осуществленію положительнаго всеединства въ жизни, знаніи и творествѣ.

Поставленіе такой задачи вызывается самыми потребностями времени. Повсюду начинается проявленіе стремленіе къ объединенію знанія, и въ естественныхъ наукахъ, и въ области наукъ общественныхъ. Изслѣдованіе частныхъ не удовлетворяетъ пытлиности человѣческаго ума и еще менѣе можетъ удовлетворить высшимъ потребностямъ человѣческой души. Разумъ, по своей природѣ, стремится къ единству, а жизнь требуетъ отъ науки руководящихъ началъ. Настала пора свести къ общему итогу работу предшествующихъ поколѣній. Даже на почвѣ опытнаго знанія возникаютъ системы, имѣющія цѣлью привести къ общимъ началамъ все познаваемое чело-

вѣкомъ. Но опытное знаніе не въ состояніи исполнить подобной задачи. Опытъ исходитъ отъ частныхъ и вращается въ области частныхъ, а для того чтобы дойти до началъ, способныхъ объединить знаніе, необходимо отъ частнаго возвыситься къ общему, отъ относительнаго къ абсолютному. Какъ скоро мы признаемъ абсолютное непознаваемымъ, такъ мы должны отказаться отъ объединенія знанія и отъ пониманія смысла явленій. Предстоящая современному поколѣнію задача можетъ быть совершена не опытомъ, а единственно философіею. Волею или неволею приходится приняться за работу, которая временно оставалась въ пренебреженіи. Прерванная нить философскаго преданія должна возстановиться; одностороннее направленіе должно уступить мѣсто болѣе полному и широкому развитію мысли.

Г. Соловьевъ ставитъ эту задачу въ самомъ обширномъ ея значеніи. Онъ ищетъ объединенія не только знанія, но также жизни и творчества. Онъ прямо идетъ къ всеединству. Если говорить о высшемъ идеалѣ всего человѣческаго развитія, то конечно съ такою постановкою нельзя не согласиться: мы должны знать, къ чему мы стремимся. Но вопросъ состоитъ въ томъ: что такое всеединство и какимъ образомъ къ нему идти?

Всеединство можетъ быть понято или какъ высшее соглашеніе всѣхъ частныхъ сферъ и элементовъ бытія, или какъ начало, поглощающее въ себѣ все частное, не допускающее самостоятельнаго его существованія. Въ первомъ случаѣ, всеединство будетъ для насъ конечною цѣлью, къ которой мы должны идти, отправляясь отъ частныхъ элементовъ, восполняя одинъ другимъ, и такимъ образомъ постепенно восходя отъ низшей ступени къ высшей, до тѣхъ поръ пока мы не достигнемъ полной гармоніи бытія, на сколько это доступно человѣческимъ силамъ. Во второмъ случаѣ частные элементы будутъ служить намъ исходною точкою не съ положительной, а съ

отрицательной стороны. Мы обратимся къ нимъ съ критикою, отвергая самостоятельное ихъ значеніе, и требуя отъ нихъ возвращенія къ тому источнику, отъ котораго они произошли.

Къ которому изъ этихъ воззрѣній склоняется г. Соловьевъ? Если судить по намѣренію, то нѣтъ сомнѣнія, что къ первому. Онъ возстаетъ противъ средневѣковыхъ воззрѣній, насильственно подчинявшихъ свѣтскую область религіозному началу. Онъ требуетъ свободной теократіи, свободной теософіи, свободной теургіи. А гдѣ есть свобода, тамъ есть самостоятельный источникъ жизни. Свободенъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ начало своихъ дѣйствій. Такова, по крайней мѣрѣ, единственная свобода достойная этого имени, свобода зрѣлаго мужа, который знаетъ, чего хочетъ, признаетъ только то, въ чемъ онъ самъ убѣдился, и дѣйствуетъ на основаніи своихъ убѣжденій. Но пожалуй, можно свободою назвать и страдательное влеченіе католической женщины, которая, сознавая свою немощь, добровольно предаетъ свой умъ и свою совѣсть въ руки исповѣдника іезуита. Конечно, не этой свободы хочетъ г. Соловьевъ; а между тѣмъ, вся его критика направлена къ тому, чтобы частныя начала, сознавая полную свою несостоятельность, подчинились общей основѣ, отъ которой они оторвались и которая одна можетъ дать имъ истинное содержаніе и верховный законъ.

Что такова именно точка зрѣнія г. Соловьева, явствуетъ изъ самыхъ первыхъ его опредѣленій, относительно которыхъ мы считаемъ нужнымъ сдѣлать предварительно одно общее замѣчаніе.

Въ философскихъ опредѣленіяхъ, также какъ и въ математическихъ, требуются два существенныя качества: точность и основательность. Надобно, чтобы признаки были ясно обозначены и чтобы они соотвѣтствовали предмету. Необходимо также знать, откуда авторъ ихъ взялъ, и почему онъ признаетъ именно это, а не другое. Иначе мы получимъ только

произвольныя опредѣленія, изъ которыхъ ровно ничего нельзя вывести. Слѣдуя научному пути, авторъ не можетъ ссылаться и на то, что онъ свое положеніе докажетъ впоследствии. Опредѣленіе, изъ котораго дѣлается выводъ, должно быть предварительно доказано. Математикъ отпращивается отъ аксіомъ и опредѣленій совершенно очевидныхъ; тоже долженъ дѣлать и философъ. Пренебреженіе къ этому правилу въ значительной степени содѣйствовало тому, что публика потеряла довѣріе къ философіи. Въ настоящее время въ особенности, когда отрицается самое научное значеніе философіи, когда необходимо утвердить ее на непоколебимыхъ основахъ, для того чтобы возвратить ей власть надъ умами, требованіе точности и основательности вдвойнѣ обязательно. Къ сожалѣнію, г. Соловьевъ грѣшитъ противъ него, начиная съ первыхъ же страницъ своего изслѣдованія.

«Обозрѣвая всю совокупность принциповъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ человѣческое сознаніе, говоритъ г. Соловьевъ, легко видѣть, что они принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ. Первый родъ составляютъ такія начала, которыя являются для сознанія какъ готовыя, уже данныя, существенно независимыя отъ разума, принимаются слѣдовательно вѣрой, а не разумнымъ изслѣдованіемъ, и отношеніе къ нимъ личнаго сознанія есть первоначально и преимущественно пассивное. Такъ какъ этими началами опредѣляется первое, субстанціальное содержаніе человѣческаго сознанія, и они непосредственно оказываютъ положительную силу надъ этимъ сознаніемъ, то я называю ихъ положительными или субстанціальными; это есть самое общее и широкое ихъ обозначеніе. Принципы втораго рода не являются уже какъ данныя и прямо несомнѣнныя для сознанія, а происходятъ, напротивъ, когда личное сознаніе, отрицательно относясь ко всему непосредственно данному и преимущественно къ первымъ, положительнымъ началамъ, слѣдовательно освободившись отъ ихъ

власти и потерявъ въ нихъ вѣру, стремится путемъ разумнаго изслѣдованія всѣхъ міровыхъ отношеній установить извѣстныя общія положенія или нормы необходимо отвлеченнаго свойства; полученные такимъ способомъ принципы, въ которыхъ личное сознаніе находится преимущественно въ активномъ отношеніи, такъ какъ они суть вообще лишь результаты собственной дискурсивной дѣятельности этого сознанія, я называю отвлеченными или отрицательными» (стр. 9—10).

Въ такимъ отвлеченнымъ или отрицательнымъ началамъ г. Соловьевъ относитъ съ одной стороны опытъ, дающій матеріалъ или содержаніе наукъ, съ другой стороны умозрѣніе, развивающее чистую форму познанія.

Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что положительныя начала тогда только могутъ имѣть силу надъ умами, когда за ними признается непосредственно сверхчеловѣческое происхожденіе, вслѣдствіе чего они имѣютъ необходимо религіозный характеръ. Кромѣ того, они способны овладѣть всѣмъ человѣкомъ и цѣлыми народными массами, и слѣдовательно воплощаться въ дѣйствительной жизни, почему имъ преимущественно принадлежитъ жизненный характеръ. Отрицательныя начала, напротивъ, лишены высшей санкціи; по своему отвлеченному характеру, они не могутъ соответствовать всѣмъ жизненнымъ потребностямъ цѣльнаго человѣческаго духа, а по своему происхожденію, какъ продукты разсудочной дѣятельности человѣка, они не могутъ имѣть дѣйствительной силы и верховной власти надъ его сознаніемъ и волею, а потому эти принципы являются только какъ безсильныя и безплотныя тѣни живыхъ идей, не могущія воплотиться въ дѣйствительной жизни и ограниченныя стѣнами ученыхъ кабинетовъ и школъ. (стр. 10—11).

Такова сдѣланная г. Соловьевымъ характеристика двоякаго рода началъ, управляющихъ человѣческимъ сознаніемъ, религіозныхъ и научныхъ. Мы узнаемъ здѣсь знакомыя черты

различныхъ ученій, какъ иноземныхъ, такъ и доморощенныхъ. Когда Шеллингъ, въ позднѣйшую эпоху своей дѣятельности, хотѣлъ опровергнуть философію Гегеля, онъ называлъ ее отрицательною, а свою положительною. Но въ сущности, ученіе Гегеля нисколько не было болѣе отрицательнымъ, нежели умозрительные выводы Шеллинга: Разница между ними заключалась въ томъ, что Гегель дѣлалъ свои выводы діалектическимъ путемъ, то есть, съ помощью научнаго приѣма, а Шеллингъ дѣлалъ ихъ просто, безъ всякаго научнаго приѣма, отчего они, разумѣется, не приобрѣтали болѣе положительнаго характера. Эпитетъ отрицательный былъ пущенъ въ ходъ единственно за тѣмъ, чтобы набросить тѣнь на ненавистнаго соперника. Точно также и въ терминологіи г. Соловьева этотъ эпитетъ обозначаетъ не столько свойство самаго предмета, сколько отрицательное отношеніе къ нему автора. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать научныя начала отрицательными, потому только что наука не принимаетъ на вѣру все непосредственно данное? Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ астрономію признать отрицательною наукою, ибо она отвергаетъ то, что представляется очевиднымъ непосредственному чувству, именно, что солнце встаетъ и садится, а утверждаетъ, что кажущееся намъ явленіе происходитъ отъ движенія земли около солнца, движенія недоступнаго непосредственному чувству, и открывающагося намъ единственно путемъ научнаго изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ всякое движеніе впередъ будетъ отрицаніемъ, ибо невозможно перейти на новое мѣсто, не покинувъ прежняго. Даже въ чисто религіозной области мы должны будемъ назвать христіанство отрицательною религіею, потому только что оно отрицало язычество. Очевидно, что слѣдуя этой терминологіи, мы доходимъ до нелѣпости. Существенный признакъ предмета долженъ обозначать его положительную сущность, а не чисто внѣшнее его отношеніе къ другимъ, и тѣмъ ме-

нѣе такое отношеніе, которое одинаково прилагается ко всему на свѣтѣ.

Всякое изслѣдованіе, даже всякое мышленіе о какомъ-либо предметѣ непремѣнно предполагаетъ отвлеченіе, ибо предметъ, для того чтобы быть мыслимымъ, долженъ быть отдѣленъ отъ другихъ, отдѣленіе же, или отвлеченіе, неизбѣжно заключаетъ въ себѣ отрицаніе. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы то, что мы отвлекаемъ, черезъ то самое дѣлалось отрицательнымъ. Напротивъ, мы только этимъ путемъ можемъ изслѣдовать положительную сущность объекта. Даже когда мы умственно разлагая предметъ, беремъ только извѣстную его сторону или свойство, откидывая остальные, мы все-таки получаемъ положительные, а не отрицательные результаты. Иначе мы должны бы были считать математику чисто отрицательною наукою, между тѣмъ какъ она содержитъ въ себѣ совершенно положительныя истины.

Въ особенности отвлеченіе необходимо, когда мы отъ частнаго восходимъ къ общему, отъ явленій къ началамъ. Чѣмъ выше мы идемъ, тѣмъ отвлеченнѣе становится наше мышленіе, ибо тѣмъ болѣе мы должны откидывать частныхъ. Держась терминологіи г. Соловьева, слѣдовало бы скорѣе религію назвать отрицательнымъ началомъ, нежели опытъ, ибо религія, вопреки мнѣнію г. Соловьева, не дается намъ непосредственно. Она требуетъ, напротивъ, весьма значительной способности къ отвлеченію. Непосредственно даются человѣку внѣшнія явленія. Это признаетъ не только опытная наука, но и самая умозрительная философія. Фихте, какъ извѣстно, все выводилъ изъ чисто субъективнаго сознанія; однако и по его ученію, первое дѣйствіе сознанія есть положеніе объекта, и затѣмъ уже происходитъ возвращеніе къ себѣ, какъ субъекту. Последнее производится рефлексією, первое же совершается непосредственнымъ актомъ, въ которомъ субъектъ, еще не сознавая себя, представляется страдательнымъ. Точно также и Гегель